

Золотой фонд эзотерики

Е.П. БЛАВАТСКАЯ

**ЗАГАДОЧНЫЕ ПЛЕМЕНА
НА ГОЛУБЫХ ГОРАХ**

Елена Петровна Блаватская
Загадочные племена
на «Голубых горах»
Серия «Золотой фонд эзотерики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177406

Загадочные племена на Голубых Горах: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-27266-2

Аннотация

Эта книга – о пресловутых «чудесах» Востока, необычных психических способностях человека, его связи с иными мирами и их обитателях, о колдовстве и магии.

Захватывающее художественное повествование знакомит читателя с жизнью потомственных магов и колдунов – членов индийских племен, на протяжении поколений причастных к искусству черной и белой магии.

Содержание

Несколько слов предисловия	4
Глава 1,	12
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Елена Блаватская

Загадочные племена на «Голубых горах» *в джунглях Индии*

Несколько слов предисловия

Недавно одна большая лондонская газета делала саркастические замечания о том, что русские ученые, а русская публика – тем более, имеют весьма смутные понятия об Индии вообще и о ее народностях – в частности.

На эту новую британскую «инсинуацию» каждый русский мог бы, при случае, задать первому встречному англо-индийцу такой вопрос:

«Позвольте полюбопытствовать: много ли и что именно вы сами знаете с большей части подвластных вам народов Индии? На чем, например, порешили ваши лучшие этнологи, ваши знаменитейшие антропологи, филологи и статистики свой полувековой спор насчет, словно с неба свалившегося, таинственного нильгирийского племени тоддов? Что известно вашему „Королевскому Обществу“, – хотя члены его вот уже около столетия из кожи лезут, чтобы выяснить

этот вопрос, – о загадочных племенах „Голубых гор?“. О страх наводящих, ужас внушающих карликах, именуемых муллу-курумбами? О яннади, кхоттах, эрулларах, бадагах: то есть о пяти племенах Нильгири и о десятках: других, менее таинственных, но столь же мало приведенных в известность больших и малых племенах, живущих на других горах?...»

В ответ на все эти вопросы, если, паче чаяния, британец почувствует себя в припадке честной откровенности (проявление в нем весьма редкое), оклеветанный русский ученый к путешественник может услышать следующую неожиданную исповедь:

«Увы! Мы ровно ничего о них не знаем. Существование их нам известно только потому, что мы встречаем их, часто бьем и колотим, а подчас и вешаем, но, с другой стороны, мы не имеем ни малейшего понятия ни о происхождении, ни о языке большинства этих дикарей, менее всего о нильгирийцах. Наши англо-индийские, как и отечественные ученые чуть не сошли с ума на одних тоддах. Поистине, это племя составляет загадку этнологов нашего века и, как кажется, загадку неразрешимую. И не только для нас, европейцев, но и для самих индусов, прошлое этого крошечного численностью племени покрыто непроницаемую завесой вековой тайны... Все в нем необычайно, своеобразно, непонятно, необъяснимо! Все, как было с первого дня, когда мы нежданно-негаданно наткнулись на него, так и осталось до сего дня

загадкой сфинкса!...»

Так ответил бы всякий честный англо-индеец русскому. Так ответил мне один английский генерал, – о котором упомянем еще не раз далее, – на мои расспросы о тоддах и курумбах.

«Тодды! Курумбы!» – почти закричал он, придя в азарт. – Тодды почти свели меня с ума одно время, а муллу-курумбы доводили меня не раз до белой горячки! Как и почему, – узнаете после. Но, слушайте. Если кто из наших правительственных идиотов (dunces) скажет вам, что он хорошо знает и даже изучил тоддов, то скажите ему от меня, что он хвастает и лжет. Этим племен никто не знает. Их происхождение, религия, язык, обряды, предания, все это terra incognita для ученого, как и для профана... А их удивительная «психическая сила», как ее называет Карпентер,¹ их так называемое колдовство и дьявольские чары, кто может нам растолковать эту силу? Это непонятное, ничем необъяснимое их влияние на людей и зверей; у тоддов – к добру, у курумбов – ко злу, кто может разгадать, показать нам, что это такое, какая это сила, которою они орудуют по своему усмотрению? У себя дома мы, понятно, смеемся над нею и их претензиями. Мы не верим в магию и называем веру в нее туземцев суеверием, ерундой. Мы и не посмеем ей поверить. Во имя нашего расового превосходства и всеотрицающей цивилизации, мы

¹ Identification Society of London, имеющее своим предметом вопрос о «потерянных племенах»; общество чрезвычайно богатое и один из курезов Англии.

обязаны отвергиваться от такой чепухи. И однако же наш закон признает фактически эту силу, если не в принципе, то в ее проявлениях, наказывая обвиняемых в ней под разными замаскированными предлогами и пользуясь многими лазейками нашего законовещения... Этот закон признал и самих колдунов, повесив вместе с их жертвами и некоторых из них, не только за кровавые, но и за те бескровные, таинственные убийства их, которые никогда еще не были легально доказаны, в тех драмах, которые так часто разыгрываются здесь между колдунами Нильгири, с одной, и туземцами долин, с другой стороны...»

«Да, вы правы; вы имеете основание смеяться над нами и нашими тщетными усилиями, продолжал он, – потому что, невзирая на все наши старания, со дня открытия этих грязных магов и колдунов в тущобах Нильгири („Голубых гор“), мы не продвинулись ни на один вершок в разрешении вопросов о них. Более всего нас раздражает эта поистине чародейственная в них сила, опровергнуть проявления которой мы не в состоянии, так как для этого нам пришлось бы бороться ежедневно против неопровержимых доказательств... Отвергая объяснения этих фактов туземцами, мы только запутываемся в гипотезах собственного изделия. Отвергая реальность так называемого колдовства и чар, и, вместе с тем, вешая колдунов, мы просто являемся в нашем противоречии грубыми палачами людей, чьи преступления не только еще не доказаны, но и отрицаются нами в самой возможно-

сти... То же самое мы можем сказать и относительно тоддов. Мы смеемся над ними и все-таки глубоко уважаем это загадочное племя... Кто они, что они такое? Люди или гении этих гор, боги под засаленными лоскутьями человечества? Все предположения о них отскакивают, как резиновый мячик от гранитной скалы... Так и знайте вперед, ни о тоддах, ни о курумбах вам ничего верного не скажут ни англо-индийцы, ни сами туземцы, а не скажут потому, что они сами ровно ничего о них не знают; да никогда и не узнают...»

Так говорил мне нильгирийский плантатор, отставной генерал-майор и судья на «Голубых горах», отвечая на все мои вопросы об интересующих меня давно тоддах и курумбах. Мы стояли против скал «Озера», и когда он замолчал, долго еще слышали, как горное эхо, пробужденное его громким голосом, повторяло насмешливо и замирая: «не уз-на-ют... не уз-на-ют!»

А ведь действительно интересно было бы узнать! Такое открытие касательно тоддов было бы, пожалуй, позанимательней даже нового открытия о десяти потерянных племенах Израиля, которые «Общество Отождествления» – вдруг нечаянно и негаданно открыло теперь в англичанах.

А теперь дадим пока, что знаем. Но прежде мы должны сказать несколько слов.

Избрав в этих заметках главными героями тоддов и муллу-курумбов, мы чувствуем, что вступаем на опасную для себя почву, почву нежеланную и нелюбимую ни европейскими

учеными, ни неучеными европейцами, менее же всего желающею угодить массам печатью. Всем нам ведомо, как упорно она чурается всего, что близко ли, далеко ли напоминает читателям о «духах» и спиритизме. Но говоря о «Голубых горах» и их странных племенах, нам совершенно невозможно умолчать о том, что составляет их главную и самую выдающуюся характеристику.

Нельзя, описывая совершенно своеобразный уголок земного шара, а главное – его загадочные, ни на кого другого не похожие племена, выкидывать из рассказа то, на чем вся их бытовая и религиозная жизнь построена. По крайней мере, сделать это в отношении тоддов и курумбов также немислимо, как ставить на сцене «Гамлета», выкинув из пьесы принца Датского. Тодды и курумбы рождаются, растут, живут и умирают в атмосфере колдовства. Если верить рассказам туземцев и даже старожилков на этих горах из европейцев, то эти дикари находятся в постоянном общении с невидимым миром. Поэтому если в этой гирлянде географических, этнологических, климатических и многих других аномалий природы наш рассказ станет, развиваясь, перемешиваться, как пшеница с плевелами, со всяческою, извиняюсь за выражение, чертовщиной, или с аномалиями человеческой природы в области трансцендентальной физики, то вина в том, право, не наша. Зная, как эта область не жалуема гг. естественниками, мы бы душевно были рады осмеять, как они, все места как далекие, так и «не столь отдаленные» этой нелюбимой

страны: да совесть не допускает. Нельзя братья описывать совсем новые племена, мало кому известные расы, не затрагивая, в угоду скептикам, самой характеристичной, рельефной черты их повседневной жизни.

Факты налицо. Простые ли они последствия ненормальных и чисто физиологических явлений, по излюбленной теории медиков: или же результаты проявлений (наверное, столь же естественных) сил природы, которые кажутся науке (в ее настоящем неведении) невозможными и несуществующими и поэтому отвергаются – для вашего дела это не составляет ни малейшей разницы. Мы заявляем, как уже сказано, только *факты*. Тем хуже для науки, если она еще ничего о них не узнала; а не зная о них ничего, все-таки продолжает называть их «диким абсурдом», «грубым суеверием» да «бабьими сказками». К тому же притворяться неверующим и смеяться над верой других в то, что сам признаешь за доказанные реальные явления, не допускающие ни малейшего сомнения, не есть дело ни честного человека, ни аккуратно-го рассказчика.

Насколько мы лично верим в так называемое колдовство и «чары», покажут следующие страницы. Есть целые группы явлений в природе, которые наука не в состоянии разумно объяснить, указывая на них, как только на нечто проистекающее из действий одних химических и физических мировых сил. В материю и силу наши ученые верят; а в жизненный принцип, отделенный от материи – не желают верить, хотя,

когда мы учтиво просим их объяснить нам, что такое в сущности эта *материя* и что такое заменившая ее теперь *сила*, то наши величайшие просветители становятся в тупик и говорят нам: «Не знаем».

Так вот, пока им еще известно об этих трех предметах так же мало, как англо-индийцам о тоддах, мы попросим читателя сначала вернуться с нами за более нежели полстолетия назад. Мы предлагаем ему послушать нашу сказку-быль о том, как мы впервые напали на существование Нильгири («Голубых гор»), ныне Мадрасского Эльдorado. Как там мы нашли никому до того неизвестных великанов и карликов, в коих может быть усмотрено русской публикой полное сходство между се отечественными ведьмами и знахарями, а может быть, кое-что еще и похуже. Вдобавок ко всему этому, из этой сказки-были читатель узнает, что есть в Индийском поднебесье такая чуткая страна, где, на высоте 8000 футов в январе месяце люди ходят в одних кисейных покрывах, а в июле часто кутаются в теплые шубы, хотя эта страна находится всего в 11 градусах от экватора. Так приходилось поступать нижеподписавшейся, тогда как под ногами у нас 8000 ниже постоянно стояло (по Фаренгейту) 118 градусов жары в *прохладной* тени самых густых деревьев.

Глава 1,

в которой два Нимрода отправляются на охоту за «богами», а натываются вместо них на боа-констриктора и на бробдиньягов и лилипутов

*У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит...*

Ровно шестьдесят четыре года тому назад, то есть в конце 1818 года в сентябре месяце, недалеко от Малабарского берега южной Индии и всего в 350 милях от Дравидского пекла, именуемого Мадрасом, было случайно сделано самого неожиданного характера открытие. До такой степени оно показалось тогда всем странным, даже невероятным, что в первое время ему никто не поверил. Мгновенно возникли легендоподобные, запутанные и совершенно фантастические слухи, сперва в народе, а затем распространились и выше. Но когда они проникли в местные газеты и превратились в официальную действительность, то лихорадка ожидания перешла у всех в полное горячее состояние...

В медленно шевелящихся и, вследствие жара, почти атрофированных от бездействия мозгах англо-мадрасцев произошла молекулярная пертурбация, говоря языком известных физиологов. Все, за исключением лимфатических *мудильяров*, соединяющих в себе темпераменты лягушки и саламандры, закопошилось, зашевелилось и громко забредило о некоем чудно прохладном эдеме в самых недрах «Голубых Холмов»,² открытом будто бы двумя усталыми охотниками. По сведениям последних, там земной рай: благоуханные зephyры и прохлада круглый год; страна над вечными туманами Куимбатура,³ в которой шумят величественные водопады, стоит от января до декабря вечная европейская весна; цветут дикие саженные розы и гелиотропы; благоухают в кувшин величиною лилии,⁴ и где свободно разгуливают, судя по их

² Перевод, со слова «Нильгири», составленного из двух санскритских слов: *Нилам* – голубой и *Гири* – «горы» или «холм», так названные от яркого цвета этих гор, как они представляются глазам жителей из долин Майсура и Малабара.

³ Как известно, вследствие сильного зноя и болотных испарении местности туман расстилается на высоте от 3 до 4000 футов над морским уровнем и вдаль всей цепи Куимбатурских гор, – постоянный голубой туман, чрезвычайно замечательного яркого цвета, который и превращается во время муссонов в дождевые тучи.

⁴ Это не преувеличенное описание самой, быть может, замечательной в мире флоры. Кусты роз всех цветов вырастают в высоту домов и покрывают крыши, как и род гелиотропа, который достигает да 20 футов; но самые замечательные из цветов – это белые с одуряющим запахом лилии. Действительно, величиной с графин, они растут в трещинах голых скал отдельными кустами в аршина 2–3 величиной, распуская за раз с дюжину цветков. Эти лилии не растут на высотах менее 7000 футов, и ниже их нельзя найти. И чем выше, тем они прекраснее, и

громадной величине, допотопные буйволы и обитают Гулливеровские бробдиньяги и лилипуты. Каждая долина, каждое ущелье этой чудной индийской Швейцарии представляет замкнутый от остального мира уголок земного рая и пр.

От этих рассказов у «высокопочтимых» отцов «Ост-индской компании» проснулась сонная и не менее мозгов атрофированная печень, и потекли слюнки. В первое время никто не знал, где именно были открыты такие чудеса, ни куда, ни как ехать за столь заманчивою в сентябре прохладой. Наконец «отцы» решили, что следует подкрепить открытие официальным путем и прежде всего узнать, что такое именно открыто. Охотников пригласили в Главную Контору Президентства и тогда узнали, что близ Куимбатура произошло следующее.

Но, во-первых, что такое Куимбатур?⁵

Куимбатур – главный город уезда этого имени, а самый уезд находится милях в трехстах от Мадраса, столицы южной Индии, и знаменит во многих отношениях. Во-первых, он был обетованною землей для охотников на слона и тигра, как и на более мелкую дичь, так как этот уезд, вдобавок к другим прелестям, славится своими болотами и дремучими лесами. Почуяв смерть, слоны почему-то всегда уходят из чащи лесной в болото. Там они залезают в глубокую тину, где и приготовляются спокойно к *нирване*. Вследствие такой

на Тоддабетском пике (около 9000 футов) они цветут десять месяцев в году.

⁵ Ныне – Коямпуттур. – Прим. ред.

замечательной привычки, болото изобилует их клыками, и слоновая кость добывается (или скорее добывалась во времена оны) довольно легко.

Говорю «добывалась» в прошлом. Увы, для бедной Индии все с той поры изменилось. Теперь в ней ничего не добывается и никто ничего не может добыть, кроме разве вице-короля, которому вице-королевство доставляет царские почести и сумасшедшие деньги, впрочем, иногда с примесью гнилых яиц от сердитых англо-индийцев. Между «тогда» и «теперь» легла бездна имперского «престижа», поперек которой стоит привидение лорда Беконсфильда... *Тогда* «отцы Компании» добывали, покупали, открывали и сохраняли. *Теперь* вице-королевский совет получает, взимает, отнимает и ничего не сохраняет. *Тогда* «отцы» были круговращательной силой в застывающей крови Индии, которую они хоть и сосали, но иногда и обновляли, подливая новой крови в ее устарелые жилы. *Теперь же* вице-король с советом подливают разве только желчи. Вице-король – есть центральная точка огромной империи, с которой он не имеет ни симпатии, ни чего-либо общего. «Отцы» если и были в одном смысле бурьяном родины священной коровы, то были и сочным репейником, кормившим миллионы кротких ослов. А вице-король это нынешний искусственно привитый цвет к растению, называемому индийской Империей, который, истощая силы, медленно убивает самое растение. По поэтическому выражению сэра Ричарда Темпля, «вице-король крепкая ось, во-

круг которой должно вертеться Колесо Империи...» Положим, что это и так: только это колесо стало с некоторых пор крутиться с такой бешеною быстротой, что грозит ежеминутно разбиться вдребезги.

Но как тогда, так и теперь, Куимбатур славится не только своими лесами и болотами, но считался и считается рассадником проказы, лихорадок и *эlefантиаза*.⁶ Куимбатур, то есть уезд, носящий это название, скорее ущелье, нежели что иное. Это миль двести в длину и двадцать в ширину бесконечно длинная и узкая полоса земли. Расположенный между Малабаром и Карнатиком, Куимбатурский уезд врежется острым углом в Анамалльские или Слоновые горы⁷ к югу; постепенно поднимается к высотам Майсура – к северу; затем, как бы приплюснутый сбоку Западными «Гхатами»⁸ с их дремучими почти девственными лесами, круто обрывается и исчезает в более мелких *джунглях* лесных племен. То тропическая, вечно зеленая от испарений болот обитель слона и ныне уже вымирающего боа-констриктора. Со стороны Мадраса эта нагорная масса, похожая издали на

⁶ Эта ужасная и почти неизлечимая болезнь, которая может, впрочем длиться целые годы, оставляя человека в других отношениях совершенно здоровым, весьма здесь обыкновенна. Начинает сперва пухнуть с подошвы до подколенника одна нога, затем другая, пока обе не превратятся в настоящие бесформенные ноги слона как видом, так и величиной.

⁷ От слова *ане* «слон» и потому, вероятно, что с незапамятных времен горы эти изобилуют слонами.

⁸ *Ghâts* – «горы».

прямоугольный треугольник, словно прицеплена к другому, еще более громадному, треугольнику – к равнинам Декканской нагорной плоскости, опирающей свою северную оконечность в Виндийские горы (Vindya) Бомбейского президентства, а западную и восточную оконечности – в «холмы» Сахиядри Мадрасского президентства. Эти две разжалованные англичанами в холмы горные цепи составляют точку соединения между восточными и западными *гхатами* Индии. По мере того, как восточные приближаются к западным гхатам, они начинают постепенно утрачивать свой вулканический характер. Соединясь наконец с волнообразными живописными возвышенностями западного Майсура и словно слившись с ними, они окончательно перестают считаться *гхатами* и называются просто холмами.⁹

Обе оконечности этого как бы треугольника возвышаются в Мадрасском президентстве по обеим сторонам, направо и налево города Куимбатура в виде двух восклицательных знаков. Словно два гиганта, часовые, поставленные природой сторожить вход в ущелье, стоят эти два остроконечные пика, увенчанные зубчатыми скалами на подножии из зеленых лесов и с бедрами, вечно укутанными в облаках да сизых туманах. То остроглавые горы, прозванные в местной англо-индийской географии «Тенерифами» Индии, Нильгири и Муккартебет. Первый, то есть Тоддабет, возвышается на 8760 футов, другой на 8380 футов над морским уровнем.

⁹ *Гхата* – «гора», а *гири* – «холм».

В продолжение столетий обе эти вершины, особенно от Рангасуами, возвышенности самого грозного издали вида, слыли в народе за горы, недосыгаемые для простых смертных. Давно уже такая их слава перешла в местные легенды, и вся эта страна считалась в народном суеверии за область священную и потому заколдованную, переступить рубеж которой, даже нечаянно, было бы святотатством, достойным смерти. То, де, обитель богов и высших *дев* (див). Там *сварга* (рай) и там и *нарака* (ад), полный «азуров» и «пизачей». ¹⁰ Таким образом, под охраной религиозного поверья Нильгири и Тоддабет оставались в продолжение долгих веков совершенно неизвестными остальной Индии. Тем менее в те далекие времена «достопочтенной» (Right Honourable) Ост-Индской Компании, то есть в двадцатых годах нашего столетия, могло прийти в голову кому-либо из европейцев исследовать замкнутую со всех сторон внутреннюю местность в горах; не потому, чтобы кто из них верил в поющих духов, а потому, что веря в недосыгаемость их высот, никто и не подозревал, чтобы там находившись столь прелестные уголки, тем более кем-либо обитаемые, кроме диких зверей да змей. Редко бывало, когда англичанин-спортсмен или охотник из евразиев, дойдя до подошвы одного из заколдованных холмов, настаивал, чтобы туземный *шикари* (охотник) проводил

¹⁰ «Азуры» – «духи», певцы, услаждающие уши богов песнями, как *гандхарвы* тешат их музыкой, *писачи* – духи-вампиры. Все они *девы* (дивы) и разделяются на много классов.

его на несколько сот футов выше. Проводники-туземцы, как бы сговорясь с *шикари*, очень естественно, под тем или другим предлогом от этого отказывались. Чаще всего они уверяли «сааба», что далее и идти нельзя; нет, де, там ни лесов, ни дичи, а есть только одни бездны, скалы до облаков да трущобы, обитаемые злейшими лешими – почетная стража *див*. Поэтому ни один *шикари* не соглашался ни за какие деньги идти выше известной черты на этих горах...

Что такое «*шикари*»? Современный представитель этого класса остался тем же, чем он был и в баснословные времена царя Рамы. В Индии всякая профессия становится наследственной, а затем переходит в *касту*. Чем был отец, тем будет и сын. Целые поколения кристаллизуются и как бы застывают в одной и той же форме. *Шикари* обыкновенно одет в костюм, составленный из охотничьих ножей, пороховниц из буйвольего рога, да древнего кремневого ружья с девятью осечками на десять выстрелов, на совершенно голом теле. Часто он имеет вид дряхлого старика, и при встрече с ним одаренному чувствительным сердцем «иностранцу» (то есть не туземцу, как и не англичанину) всегда хочется предложить ему гофманских капель: до того у него впалый и словно подведенный болью живот. Но не потому наш *шикари* еле ползает и ходит сгорбившись, согнутый в три погибели, а по долгой, развившейся в силу его профессии, привычке. Пусть только подзовет его к себе сааб-спортсмен, пусть покажет и посулит ему несколько рупий, и *шикари* мигом выпрямится

и начнет торг на какого угодно зверя. Условившись, он опять согнется в дугу, поползет осторожно, обвив тело и подошвы пахучими травами, чтобы не выдать себя зверю и чтобы не почуял тот «духа человеческого». И просидит он несколько ночей напролет, спрятавшись, как хищный ястреб, в густой листве древесной, среди «вампиров», менее его кровожадных. Не выдавая своего присутствия и полувздохом, дряхлый Нимрод готовится хладнокровно следить за агонией привязанного им для приманки тигра к дереву злополучного козленка или младенца-буйвола. А затем, оскалив зубы до ушей при виде тигра, он станет прислушиваться, не шевеля ни одним мускулом, к жалобному бляению и обонять с наслаждением запах свежей крови, смешанный с хорошо ему знакомым острым специфическим запахом полосатого палача лесов. Раздвинув осторожно я неслышно ветви, он будет зорко и долго наблюдать за насыщающимся зверем, и когда тот, тяжело ступая, окровавленными лапами по засохшей земле, облизываясь и зевая, обернется еще раз по привычке всех «полосатых» поглядеть на останки своей жертвы, тогда *шикари* выстрелит из своего кремневого ружья и наверно положит зверя на месте с одного разу. «Ружье *шикари* никогда не осекается, стреляя по тигру», древняя поговорка, перешедшая между охотниками в аксиому. А если *сааб* желает сам позабавиться стрельбой в лесного «бара-саба» (большого господина¹¹), то *шикари*, заметив с дерева,

¹¹ Эта кличка дается туземцами, безразлично, как всякому чиновнику или

куда тигр отправился ночевать, при первых лучах солнечных тотчас же соскочит со своей ветки, бросится со всех ног в деревню, наймет толпу, устроит облаву и будет он целый день под палящими, убийственными лучами солнца бегать от одной группы к другой, устраивать, кричать, жестикулировать и отдавать приказания, пока «сааб» № 1 не ранит с безопасной высоты своего слона «сааба» № 2, тогда *шикари* все-таки придется самому dokonать звери из своего древнего ружья. Только затем уже, если не случится чего особенного, отправится *шикари* под первый попавшийся куст, где он в одно и то же время и за один раз, роскошно позавтракает, пополдничают, пообедают и поужинает горстью протухлого риса и каплей болотной воды.

Так вот с тремя такими удалыми шикарями, и как сказано, в сентябре 1818 года, к концу летних вакансий, два англичанина, чиновники-землемеры на службе Компании, отправились на охоту в Куимбатур, заблудились и дошли до самых в те времена охотничьих пределов, а именно до Гузлехутского ущелья, близ ныне знаменитого водопада Колакамбе.¹² Над ними, далеко и высоко под облаками, прорываясь отдельными пятнами сквозь сизый тонкий туман, виднелись скали-

охотнику из англичан, так тигру. Для невинного индуса действительно не представляется между двумя такого уж большого различия; разве только что на первом, к его незаслуженному счастью, ружье злосчастного туземца, при каждой национальной попытке, всегда давало осечку.

¹² Этот водопад имеет 680 футов высоты. Теперь под ним проходит дорога в Уттакаманд.

стые иглы Нильгири и Муккартебета... То terra incognita, заколдованный мир -

... Горы таинственные,
Обитель Див неведомых,
Холмов голубых...

как гласит старая песня на нежном наречии малаялима. Поистине «голубые»! Смотрите на них с какой угодно точки и на каком хотите расстоянии, снизу, сверху, из долины или с других высот, и пока они не пропадут у вас совсем из вида, то даже в туманную погоду, холмы, сверкая как драгоценный сапфир внутренним огнем, словно тихо дышат, переливаясь, как волнами, своими золотисто-голубыми, в отдалении – синими лесами, невольно поражая своим необычайным колоритом...

Землемеры, пожелав попробовать счастья, приказали шикарям вести их далее. Но удалые шикари, «как того и следовало ожидать», наотрез отказались. Далее из отчета двух англичан мы узнаем, что эти старые, опытные и храбрые охотники, истребители тигров и слонов, с первого слова о том, чтобы идти далее, за водопад, бросились бежать. Пойманные и приведенные назад, они все трое повалились ниц перед ревущим потоком и, по наивному сознанию одного из межешчиков, Киндерзлея, «соединенные усилия наших двух толстых плетей не могли поднять их на ноги»... «и прежде нежели они не окончили своих громких заклинаний *дивам* этих

гор, мольбы богам не наказывать и не губить их, невинных шикарей, за такое преступление. Они трепетали как осиновый лист, катались по мокрой земле берега, словно в припадке эпилепсии»... «Никто и никогда не переступал за пределы водопада Колакамбе, – говорили они, – и кто вступит в эти трущобы, тому никогда не вернуться живым!»

Так в тот раз, или, скорее, в тот день, англичанам не удалось даже и переступить за черту водопада. Волей-неволей пришлось вернуться в деревню, из которой, переночевав накануне, они вышли утром. Без проводников и шикарей англичане боялись заблудиться, а потому уступили. Но они внутренне поклялись заставить шикарей идти в будущий раз далее. Вернувшись в селение на новый ночлег, они созвали почти всю деревню и стали держать со старшинами совет. То, что они слышали, разожгло их любопытство еще более.

В народе ходили о заколдованных горах самые невероятные слухи; и многие из мелких «земиндаров» (землевладельцев) ссылались на местных плантаторов и чиновников евразиев, как на людей, которые *знают правду* о священной местности и хорошо понимают невозможность добраться туда. «Рассказывали целую эпопею о некоем плантаторе индиго, имевшем все добродетели, кроме веры в индусских богов. В один прекрасный день, – говорили важные брамины, – мистер Д. в погоне за зверем, не обращая внимания на наши постоянные предостережения, забрел за водопад и пропал с того дня без вести. Только через неделю затем узнали вла-

сти о его вероятной участи: да и то благодаря старой „священной“ обезьяне из соседней пагоды. Почтенная макашка имела, как видно, привычку делать в свободные от религиозных обязанностей часы визиты в соседние плантации, где ее угощали и кормили набожные *кули*. В одно утро она явилась с сапогом на голове. Сапог оказался с отсутствующей ноги плантатора, а сам хозяин оного так никогда и не нашелся: без малейшего сомнения дерзновенный был разорван на куски «*пизачами*», – решили в народе. Правда, Компания заподозрила было браминов пагоды, которые давно тягались с пропавшим за принадлежавшую ему землю... Но ведь *саабы* всегда и во всем подозревают этих святых людей, особенно в Южной Индии.

Подозрению не было дано ходу. Так бедный плантатор и сгинул с тех пор... Он перешел всецело и навеки в далекий и в те времена еще менее «Голубых гор» исследованный властями и учеными мир, мир бестелесной мысли; а на земле он превратился в сон, вечная память о котором, под видом старого сапога, стоит и доселе за стеклом в шкафу уездной полиции.

Говорили... что еще говорили? А вот что: по ею сторону «дождевых туч» горы необитаемы; это, конечно, в отношении одних только простых, всеми зримых смертных; а по ту сторону «сердитой воды» водопада, то есть на высотах священных вершин Тоддабета, Муккартебета и Рангасуами, живет неземное племя – племя кудесников и полубогов.

Там – вечная весна, нет ни дождей, ни засухи, ни жары, ни холода. Чародеи этого племени не только не женятся, но и не умирают, даже не рождаются: их младенцы сваливаются совершенно готовыми из поднебесья и «растут вверх», по характерному выражению Топси в «Хижине дяди Тома». Ни одному смертному не удавалось еще побывать на этих вершинах; как никогда и не удастся, разве только после смерти. «Тогда это явится в пределах возможности, потому что, как хорошо известно браминам, – а кому же это лучше знать? – небожители „Голубых гор“, из уважения к Богу Бrame, уступили ему часть своей горы под *сваргу* (рай), антресоли которого, надо полагать, находились в то время в починке.

Однажды некий шикари из их села, напившись пьяным в коллекторской кухне, отправился ночью высматривать тигра и нечаянно забрел за водопад. На другое утро его тоже нашли под горой мертвым, и пр.

Так гласило устное, так еще повторяет и печатное, предание в «Сборнике местных легенд, преданий» в переводе с тамильского на английский язык миссионерами; издание 1807 года, которое и рекомендуется читателю.

Подстрекаемые такими рассказами, а главное – видимыми препятствиями и затруднениями экскурсии, наши два охотника решили доказать еще раз туземцам, что для «высшей», властвующей над ними расы слово «невозможность» не существует. Британскому *престижу* необходимо было заявлять себя во все времена истории; иначе о нем мог-

ли бы позабыть.

Известно ли у нас, в благодушной России, что такое именно заключается в этом магическом слове «британский *престиж*»? Конечно, читателю более или менее известно, что в Индии все от ожиревшего европейца-лавочника, евразия-плантатора, потешающегося крепким арапником в руке над спинами кули, от чванного чиновника под серым *топи* на голове, имеющем аршин в диаметре и похожем на глубокий, опрокинутый соусник, до рыжего, прилизанного, долгополого, раззолоченного по швам и разящего на десять шагов водкой солдата-англичанина, – все и каждый ищут заявить и установить кулаком собственный, а равно и национальный *престиж*. Но знают ли как именно выражается в Индии *политический престиж*? Узнать это можно только сравнительно. В далекие и более счастливые времена Уорена Гастингса и его удалых товарищей, престиж британский состоял в том, чтобы улыбаться щедрому восточному человеку и, принимая от него дары и натурою, и златом, все-таки при случае надувать его, грабить и отнимать у него наследие отцов. Теперь декорация несколько изменилась, но только на первом плане, а задний план и вообще весь грунт остались те же. «Престиж» нашел полезным для поддержания блестящей фантазмагии, именуемой Имперскою политикой, по выражению англо-индийских сатириков, преподносить ежегодно Маммоне миллионы заморенных голодом бедняков. *Райот* (землепашец) – есть козел отпущения

в Индии за британские грехи. *Райот* – жалкое существо, которое от рождения до смерти со своим всегда огромным семейством живет кусочком иссохшего поля. Обязанный платить за все, от вице-королевских охот, даваемых в честь скучающих теистов из королевского дома, до подарков императрицы царькам Индии, бесталанный райот лучше всех осуществляет силу и значение этого страшного слова: «политический престиж». Этот «престиж» наследовал Ваалу-Пеору, в ненасытную пасть которого бросались ежегодно тысячами рабы и пленники. Британцы перещеголяли впрочем, в этом даже самих ассирийян. Они бросают в пасть «политического престижа» миллионы человеческих жизней. Со дня основания этого престижа, райот осуществляет собою великое открытие Дарвина «борьбы за существование». Умирая голодной смертью в стране несметных богатств и расточительности для поддержания «престижа» сильнейшего, райот сделался живым символом и вместе протестом против теории survival of the fittest.

Да не вознегодуют, читая это как и все подписанной «Радда-Бай» в русских журналах, ее подозрительные и ревнивые друзья англо-индийцы! Пусть лучше вспомнят, что писал о них и об этих самых вопросах «Али-Баба»,¹³ остроумнейший из их писателей, каждый взмах пера которого был злейшей и вместе глубоко правдивою сатирой на современное

¹³ Aberight Маскау, профессор в Мораре, владении Гвалиора, умерший два года тому назад в Индии.

положение Индии. Какими яркими, живыми красками описана им эта мученица страна! Взгляните на его панораму Индии, на обязательное теперь в ней присутствие легионов ярко-пунцовых солдат да залитых в золото вице-королевских *сайсов* и *чупрасси*. Сайсы – конюхи и скороходы чиновников, а чупрасси – официальные правительственные рассыльные, носящие ливрею «империи» и состоящие при всех, больших и малых, гражданских чиновниках; если продать их на вес золота в их ливреях, то они представят сумму, половины которой достаточно, чтобы прокормить сотни семейств ежегодно. Прибавьте к ним издержки багровых от пьянства членов совета и разнохарактерных комиссий, учреждаемых обыкновенно *при конце* каждой повальной голодовки, и докажется, что политический британский *престиж* убивает ежегодно более туземцев, нежели взятые вместе холера, тигры, змеи и даже легко (и всегда так кстати) лопающиеся индийские селезенки. . . ¹⁴ Правда, убыль, причиняемая им в ря-

¹⁴ Этот орган человеческого тела, по-английски *сплин* (spleen) действительно играет в Индии большую роль. Туземная селезенка – лучший друг и защитник английских шей, которым без нее неминуемо грозила бы веревка. Селезенка до такой степени слаба и нежна во мнении англо-индийских судей и присяжных, что стоит дать туземцу щелчок в живот, дотронуться до него деликатно европейским пальчиком, чтобы тот вдруг упал да и умер! Туземные газеты уже давно подняли гвалт о такой неизвестной до прихода Британцев деликатности их *сплина*. Особенно ненадежна селезенка у раджей, чем англичане очень огорчаются. «Почти невозможно», – рассуждают они, – «чиновнику прикоснуться к *радже* или даже к собственному китмагару (буфетчику) без того, чтоб у того, как на зло, не лопнула селезенка!» Вот, например, сделался с каким-то полоумным раджой припадок. Подхватил его под руки «политический агент», немножко потряс, чтобы приве-

дах чернорабочего люда, пополняется прибылью все разрастающегося племени и поколений евразиев. Эта весьма некрасивая раса «креолов» – один из самых объективных и удачных символов нравственности, внесенной расой цивилизованною в расы полудиких рабов их, индусов. Евразии созданы на свете англичанами при помощи голландцев, французов и португальцев. Они – венец и бессмертный памятник деятельности благодушных «отцов» Ост-Индийской Компании. Компанейские «отцы» часто вступали в браки с туземками, законные как и незаконные (так как разница между теми и другими в Индии весьма небольшая: она основана на веровании супругов в степень святости коровьего хвоста). Но и это последнее звено дружеских отношений между высшею и низшею расами оборвалось. Теперь, к великой радости индусов, англичане стали смотреть на супруг и дочерей с отвращением, которое превышает разве только гадливостью туземцев при виде англичанки более или менее *декольте*. Две трети Индии наивно верят в распущенный браминами слух, что «белые» обязаны своим цветом проказе.

Но не в этом вопрос, а в «престиже». Это чудовище родилось вследствие трагедии 1857 года. Заметая метлой последующих реформ все следы Англо-Индии коммерческой,

сти в чувство, а только посадил на сундук, как у того и дух вон! А теперь вот и возись с этим штатиком... Ищи для него, подыскивай нового раджу... Нечего делать, приходится опять брать на себя новую обузу – опеку над осиротевшим штатом! (*Резюме* из англо-индийской печати). Подлинно: полны терний извилистые тропы, по которым идет вперед индийское правительство!

официальная Англо-Индия вырыла между собой и туземцами такую бездну, что не завалить ее и тысячелетиями. Невзирая на грозный призрак британского престижа, она расширяется ежедневно, пока не поглотит окончательно одну из пород – либо черную, либо – белую. «Престиж» поэтому есть не более, как рассчитанная мера сохранения. Вследствие усиленного внимания к престижу и стал появляться в последние годы голодный мор среди туземцев. В глазах этой «христианской» нации, это даже не грех. Туземец давно объявлен ею не человеком, а вещью. Он – наскоро собранная природой комбинация слабо склеенных атомов, прямая эволюция, беспереходных стадий асцидии в негра, даже без помощи обезьяны. Этот новый научный взгляд внушается всем туземцам: от запаиваемого до полусмерти шампанским и опиумом *раджи*, до прозрачного от худобы и голода *куи* и *рашта*. Первый уже так хорошо дрессирован «политическими резидентами», что готов, за лишний пушечный выстрел в следующем ему по праву салюте, продать во имя политического британского *престижа* всю Индию, с родными отцом и матерью в придачу. Второй, то есть *райот*, способен реализовать эту великолепную Беконсфильдовскую идею в своих иссохших от лишений мозгах вполне только при последних минутах жизни: он синтезирует ее, умирая голодной смертью...

Принося за эту диверсию челобитную, возвращаюсь к положению куимбатурцев в 1818 году. Попав между двух ог-

ней: *престижа* земных владык и суеверного страха пред владыками преисподней и их мщением, злосчастные Дравиды почувствовали себя прищемленными между рогами ужасной дилеммы. Не прошло и недели, английские *саабы*, оставившие было жителей деревушки в сладкой надежде, что миновала их еще одна гроза, вернулись в Метопалам у подошвы Нильгири и поразили их как громом объявлением, что через три дня по прибытии нескольких гарнизонных солдат и межевщиков отряд намерен предпринять путешествие на священные вершины Голубых гор.

Услышав страшную для них новость, несколько земиндаров обрекли себя на *дхарну*, то есть, голодную смерть у дверей *саабов*, пока те не взмилуются и не обещают отказаться от намерения. Деревенские *мунсифы*, разодрав одежду, что не стоило больших усилий, обрили головы своим женам и заставили их, в знак общественного бедствия и общего траура, царапать себе (конечно, жен) в кровь лица. Брамины читали заклинания и *мантры* вслух, посылая про себя англичан с их богохульными затеями в *нарак* ко всем чертям. *Метопалам* огласился воплями и криками отчаяния на целые три дня. Ничто не помогло. Как сказано, так и сделано. Снарядив партию из подобранных между компанейцами смельчаков, новые Колумбы решились было пуститься в путь и без проводников. Деревня опустела, будто после военного разгрома: туземцы разбежались в ужасе, и межевщикам, коноводам партии, не оставалось делать ничего иного, как пойти самим

разыскивать путь к водопаду. Они заблудились и вернулись. Эксплуататоры однако не смутились. Поймав где-то спрятавшихся двух поджарых малабарцев, объявили их пленными: «Либо ведите и вот вам золото; либо отказывайтесь и все-таки пойдете, так как вас потащат силой. А затем, вместо золота, тюрьма». А в те блаженные дни кротких отцов компанейства слово «тюрьма» было синонимом, Мадрасском, да и в других президентствах, *пытки*. Оно и теперь иногда случается, как это было еще недавно доказано; и в те времена жалобы самого младшего из писарей высшей расы было достаточно, чтобы подвергнуть туземца пытке. Угроза подействовала. Бедные малабарцы понурили головы и, ни живые, ни мертвые, повели европейцев к Колакамбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.